

ЖИВОПИСНАЯ РОССИЯ

Для нас, жителей Поволжья, понятие толерантности, в первую очередь, соотносится с понятием терпимости к религиозным и национальным традициям народов, населяющих наш край. Вот уже много столетий чуваши, мордва, татары и русские живут бок о бок на привольных Волжских землях, сохраняя при этом свою самобытную культуру. Велики взаимовлияние этих народов и их интерес друг к другу. Сегодня мы предлагаем вам, дорогие читатели, прочесть некоторые страницы из книги «Живописная Россия», изданной в 1901 году по материалам научных экспедиций XVIII века, изучавших быт, нравы и традиции жителей России. Один из томов этого раритетного издания посвящен Поволжью. Мы решили не менять стилистику статей, чтобы вы могли почувствовать своеобразие языка и ощутить легкую иронию авторов «Живописной России».

И еще... Не спешите проводить параллели с днем нынешним, ведь прошло уже более двух столетий.

Полюбил мордвин жить светло

В настоящее время от древнего мифологического мордовского канона уцелели лишь обрывки, по которым и приходится исследователю восстанавливать полную картину религиозных верований этого народа. Тем не менее, и до сих пор в мордовских селах то и дело справляются моляны разным божествам и соблюдаются разные обычаи, ясно указывающие на ритуальную старину.

Вот как рассказывают о происхождении богов и мира мокши. Раньше земли не было. А было море, и плывал Шкай (бог, отец всего живого) и тужил, что нет у него товарища. Так озлобился Шкай, что плюнул в море. Далеко уже уплыл Шкай и только тогда заметил, что из плевка его вышла гора, плывущая за ним. Шкай ударил ее посохом. А из горы вышел Шайтан, тот час же предложивший Шкаю взять его в товарищи. Послал его Шкай в море достать песок, и спрятал Шайтан за щеку щепоточку, чтобы сделать потом тоже, что будет делать Шкай. Понятно, что у Шайтана за щекой стал песок расти, и он чуть не лопнул. Шкай увидал, что не быть Шайтану у него в товарищах и загнал его в преисподнюю. Как произошли боги – дело темное.

Почти все эрзянские боги встречаются и в мокшанской мифологии. Только они не называются богами, а озксами, то есть светлыми владыками и хозяевами. Есть и сын у Шкая, толко какой-то странный, никто его никогда не видал, все лишь чувствуют

его прикосновение в огне и дыхание его в свете. А он Салтан просто. Вдруг делается Салтан Штатамс, то есть лишь свечою в руках господина. Во всяком доме мордовском найдется всегда толстая священная восковая свеча, зажигающаяся лишь в торжественных случаях и посвященная сыну Шкаю. Коли пришибает напасть, так и целым обществом, целой волостью складываются на великую Салтанову свечу, которая состоит просто из огромной кадки, доверху наполненной мирским воском, посреди которого помещается фитиль в кулак толщиной.

Как ни легко мордвин русеет, как ни мало, на первый взгляд, различия между ним и русским крестьянином, однако, присмотревшийся глаз тот час же сумеет отличить мордовское село от русского, а тем более, от татарского. Даже в Саранском уезде, где мордва живет смешанно с русскими и с татарами, все же бросится в глаза устройство мордовского дома, которое мордвину полюбилось и не пришлось по нраву другим народам.

Сложена изба мордовская из доброго толстого хозяйственного леса, благо мордвин не любит скучиться на то, чтобы обладать свое жилище на долгое время. Тот час заметно, что хозяин не пришел сюда на время, для того чтобы урвать и снова искать новых мест, а выстроился сыздавна надолго, рассчитывая так, чтобы внуки его все там же в раз излюбленном месте сидели и от него кормились.

рис. Е. Худяковой

Полюбил мордвин жить светло и не заститься света бо- жия, а напротив того, прорубил в средней стене чаще всего три окна, хоть окна и небольшие, а все же не похо- жи на те дыры, в которые смотрит на мир божий русский человек. А от холода уберется мордвин тем, что все- гда запасет дров на зиму, да и рамы зимние вставит со стеклами, а не станет затыкать их старыми зипунами и онучами. Он охотлив до чистоты и не потерпит, чтобы у него из окна торчал всякий негодный хлам, который сле- дует прятать от прохожего человека, а не на самое вид- ное место совать. Крышу вывел мордвин высоко и бога- то укрепил ее, чтобы не садилась крыша на низ. Подле крыши вздобрил он незатейливую скворечню, так как в характере его любовь к скотинке-животинке. И любит он, что бы всякому дыханию вокруг его логова жилось хоро- шо. И главное, чтобы все живое вокруг него плодилось и множилось. Под самую стреху засадил он самодельный из луба улей на божье счастье, на прилетный рой. Пове- лось это дело исстари и вошло в неизменный и неспор- ный обычай, что тот рой и хозяин, к кому он прилетит, чей улей облюбует.

Не станет мордвин ходить распоясавшись, так как счи- тает это для себя, да и для других зазорным, а потому и выучились мордовки делать шерстяные пояса. Красно- синие с черным, тесьмообразные и длинные до того, что два раза им обернешься легко, а подобравшись и тре- тий раз обмотаешься, да еще и кисти спустишь для крас- ы. Высоко подвязываться не годится. Следует опояс- ываться низко, под брюхо, и завяз делать всенепременно на левом боку, так чтобы кисти приходились как раз на бедре. Такой пояс называется каркс, что значит попрос- ту – лыко, лыковый ремень, и указывает на то время, когда мордва не щеголяла своими шерстяными поясами, а по нужде подтягивалась и придерживала свои шкуры берестяным или липовым лыком. И зимой, и осенью, в холодную погоду, надевает мордвин недлинный полушуб- ок из белых овчин, чтобы не болтался он по ногам ниже колен и не мешал на трудной лесной работе.

Мордва хлеба печет по-своему, совсем особенным манером. Изготовит хозяйка тесто, да и поставит его на целую ночь кваситься в небольших квашнях. Утром она замесит хорошенько и заквасит в больших корытках, кото- рые в богатых домах на эту потребу только и заведены. А в домах победнее они служат и иную подходящую служ- бу. Как, например, белье постирать, ребенка выкупать. Хлебы не раскладываются по чашкам и не пекутся в полюшках, а смазываются, кладутся на лопаты, причем под них подкладываются капустные листья, и затем садят- ся в печь. Русский народный напиток кислый квасок так- же облюблен и мордвою. Но его она придумала делать по-своему, хотя позаимствовала его все-таки у русских.

Девушки почти никогда не довольствуются своими собственными волосами и влетают в каждую косу или ремень, или подкладывают паклю, к этой искусственной подкладке привешивают солдатские пуговицы и другие побрякушки, к концу подвески прикрепляли бисерную кисточку.

Глаза у мордвы светлые, то зеленые, то голубые, то карие с довольно узкими прорезями, часто болеют и слез- ятся. По уверениям некоторых исследователей, вслед- ствие курной топки изб, хоть нам тысячи раз случалось

наблюдать воспаленные глаза и у тех мордвинов, кото- рые успели додуматься до трубы и вывода в нее дыма. Это, по-видимому, национальная болезнь, причина ко- торой, еще не разгадана.

Иногда случается, что девушка не согласна на брак, лисеть. Но такие случаи очень редки. Тем не менее в доказательство того, что прежде самокрутка соверша- лась без согласия девушки, можно привести то, что последняя во время увоза ее употребляет и до сих пор все средства, чтобы отбиться от парня. Вечеру в хате у жениха все прибрано и готово к принятию поздней, но желанной гостьи. Со священником переговорили и в цене сошлись. Часам к двенадцати на дворе у жениха собрались его друзья в числе 10-15 человек на трех или четырех тройках и ждут петухов, с криком которых компания ударяет по лошадям и скачет сломя голову к дому невесты. Петуший крик – добрый знак, так как это Мاستыр-паз проснулся и пошел в опочивальню Ведынь-Азыравы. Похитители едут в невестину де- ревно, жених отправляется за своей зазнобой, хватает ее поперек тела и бежит к товарищам. А невеста в это время щиплется, плюется, кусается, царапается, и чем более она старается, тем желаннее она для своего бу- дущего обладателя. Наконец жених у коней и при по- мощи приятелей он набрасывает невесте на голову наметки, сажает в одну из телег и начинается сумас- шедшая скачка. Дома между тем, быть может, хватились девушки. Поискали - не нашли и стали собирать погоню. Зывают соседей. И, чем лучше девушка, тем больше является защитников. Со своей стороны и же- них, если девушка особенно хороша, набирает с собой больше приятелей. Если не успеют догнать похитите- лей, то тогда возвращаются домой ни с чем. Или же, напротив того, настигают женихов поезд, и тогда слу- чается решительное побоище, которое оканчивается обыкновенно фонарями, ломкою зубов, а иногда переломами ребер и черепа. Наконец, запасливый же- них, верно рассчитавший, сколько взять с собой наро- ду, что бы отбиться от погони, и действительно от нее отбившийся, является к церкви, идет за священником и брак совершается.

Живет мордвин гораздо лучше русского, он отлич- ный работник. Всякий охотно нанимает его. И когда при- ходится выбирать между мордвином и русским, то вся- кий отдает предпочтение первому перед вторым. Морд- вин – человек земли, и никто старательнее его не обрабатывает землю. Когда времени в его распоряже- нии достаточно, он посвящает его пчеловодству. Он яв- ляется лучшим в крае пчелинцем. Никто бережнее его с пчелами не обойдется, но никто умнее его не отроит, не вынет. Он ведь сын Мастыр-паза, как же ему не быть хорошим и трудолюбивым земледельцем.

Мордвин охотно женился бы на русской, но дело в том, что родители ее неохотно отдадут ее в мордовский дом, так как живет мордвин по-дикому. И, наоборот, де- вушку-мордовку, родители не охотно выдадут за рус- ского, да и парни не допустят такого посрамления цело- му селению. Девушки охотно гуляют с русскими пар- нями и имеют даже от них детей, но нам не могли привести ни одного случая выдачи замуж мордовки в русскую семью.

Чуваши значит «благородный»

По-мордовски чуваш значит «благородный, чистый, гордый», но сами себя чуваша никогда гордцами и особенно благородными не считали и называли себя «вирьм-адым», когда жили вверх по течению Волги или «анатры-адым», когда говорили о нижних своих братьях. Черемисы называют чувашей курук-мари, как бы указывая на то, что признают их лишь за горных черемисов, успешших отатариться. Последнее название крайне важно для филологов, но до сих пор, на сколько нам известно, они еще не слышали о нем.

Вообще чуваша – народ зажиточный. Представляя некоторые черты сходства с татарами, интересно, что никому не удавалось видеть среди чувашей нищих. Редкий чувашин не приберет у себя в амбаре годового запаса хлеба про черный день. Да и такой еще вовсе не считается справным хозяином. Нам самим случилось видеть однажды в 1877 году запас урожая 1859 года. Но не смотря на это никогда богатый не кичится над бедным. Оденется в совершенно одинаковое с ним платье. И только и отличается от менее состоятельного односельца обширностью своего двора, числом ульев, да количеством хозяйственных вокруг дома построек.

Когда мы справлялись у чувашей, почему они не обращают в деньги свои хлебные запасы, безнаказанно поедаемые теперь мышами, они с улыбкой отвечали нам: «Мишка один фунт съела, сита була. Человек амбар не съела – все деньги взяла, а сита не була». Оттуда видно и пошла исконная приволжская поговорка, гласящая, что когда татарин богатеет - купит жену, русский богатеет - купит кобылу, а чувашин богатеет – купит беду.

Сельбища чувашские до сих пор еще сохранили свой особенный вид. Вследствие чисто этнологических особенностей, отличающих чувашей от их русских соседей. Чуваша всегда удалялись с равнин и открытых мест и селились в лесах, где натолкнулся на овраг с проточною водою (сирма). Вблизи деревни всегда найдется хотя небольшая роша. И все селение представляет собою форму неправильного овала. Ввиду того, что почтение к старшим крайне развито у чувашей, живут они больше многотягольно и делятся только в случае крайней на то нужды.

Пол в избе не настилается у чувашей, а творится из битой глины, но чуваша не дошли до малорусской чистоплотности, а потому и приходится у них по полу ходить, что по болотине, норovia не попасть бы в грязную лужу. Кругом всей горницы пристроены широкие нары, так чтобы человеку без труда можно было улечься да выпастья. А под нарами устроено подполье, куда запишываются всякие более или менее ценные вещи и по части одежды и по части домашнего хозяйства. При самом входе в избу, с правой стороны, устраивается чулае. С левой же стороны прорублено волоковое окно с деревянную закрывшкою, куда ставятся во время поминок свечи. Печь опять-таки смастерил чувашин из битой глины, так как до делания обожженных кирпичей еще, видно, умом не дошел. А над печью устраивает отверстие для

дыма, хотя иногда невзыскательный хозяин обходится и без него – нужды нет: глаза дым поест для здоровья.

Вблизи от дома помещается несколько амбаров, которые зачастую куда пригляднее на вид, нежели само жилье и выводятся даже в два этажа. И живет-то чувашин плохо, и потребности его, куда уж не широки, а редкий двор обойдется без пивоварни. Даже и бедняк сворочает, хоть и плохонькую где-нибудь в уголку, а богатый так и такую справит, что подумаешь – завод целый. И идет у чувашей война с догадливыми акцизными чиновниками, которые так же не хотят понять, что чувашин немислим без своего не купленного пива, а он в свою очередь никак понять не может из-за чего ярмакын-чиновник (чиновник-деньги) не хочет оставить его в покое с его пивоварней.

Понятное дело, что в праздник или, например, на свадьбу чувашин надевает рубаху такую, что подумаешь: на ней не рисунок вышит, а вплоть ее паук паутиной оплел, еще на нее накинёт ожерелье из монет, чего русский человек без смеха никак вынести не может. Шапка на голове обыкновенно русская. По праздникам и зимой, и летом прет чувашин в теплой зимней шапке ради моды и баскости. Хотя бабий наряд и разнится по местности, все же однако можно чувашенку отличить от других инородок по особенностям ее костюма.

Великий грех и стыд ходить, как русские бабы ходят босоногими. Да и вообще мужчина не должен смотреть бабы ноги. Даже спать они ложатся в онучах. Почему и страдают зачастую очень скверной болезнью на ногах, являющуюся вследствие вечного тепла. Юбка хыз, преимущественно делаемая из холстинки спускается ниже колен и обшивается тесемкою серою, белою, синею и золотою.

Ест чувашин, хоть и не роскошно, а все же лучше русского, вследствие своей большой зажиточности. Ест он и облюбовал издавна шурбе, которую всякая чувашенка готовит в виде похлебки из говядины или рыбы. Рыбу тут чистить не любят, потому съедят де и так. И вообще лучше не смотреть на чувашскую кухню. Зачастую варка идет в том же котле, из которого только что налакалась собака или в котором только что помыли юного обмусленного чувашенина. Яшка также немало известна по всей чувашской земле, варится в виде супа из круп и говядины, понятное дело, что если в мясе не-

дохват, то приходится обойтись и без него, и тогда в яшку докладывают свекольной или огуречной ботвы да забавляют ее молоком, смотря по вкусу. Иногда в яшку кладут и капусту, и муки, в праздничные дни не пожалеют и курицу с чесноком.

Живут чувашки ни скудно - ни весело, а только от праздничных удовольствий не отказываются. Справляют они и христианские праздники и свои языческие. Веселятся, пожалуй, больше наших русских крестьян. Так как в одиночку веселиться чувашенин не любит, он норовит всякий праздник отбыть на миру и притом всенепременно в складчину. Оно и веселее, да и по карману много способнее. Ввиду того, что женщины у чувашей не только не чуждаются мужчин, а даже вообще по характеру своему крайне общительны, на пирушках чувашских как-то веселее себя чувствуешь.

Роскошно в физиологическом отношении сложенная, здоровая и деятельная чувашенка рождает детей с крайней легкостью, которой могут позавидовать все их соседки, не исключая и легкородых мордочек. Тот час после рождения юного чувашенина посылают родители за иомсею, который тщательно умывает ребенка в корыте и разбивает под головой его два сырых куриных яйца, отрывает точно так же голову живому петуху и все выбрасывает за ворота в жертву Кирымите. После этого крайне интересного обряда иомся шепчет над водою, предсказывает на воде судьбу ребенка, нарекает его имя и передает бабке.

Еще на посиделках или так на игрищах спознаются парень с девкою. Иногда родители ничего еще не знают, как у молодежи уже все решено и подписано. Понятное дело, что мало еще увидеть девушку и плениться ею за счастливую внешность, а следует еще присмотреться к тому, какая из нее жена выйдет. В силу этого парни ухаживают за бабами из родни своей, просят их совета и поддержки, а эти последние приглашают девушек к себе. И тут то на деле знакомятся парень с талантами своей зазнобы. Девушка отлично знает, зачем зовут ее в гости. И тут еще ее угощают разными сладостями, и подводят такой разговор, чтобы она высказала свой образ мысли, так как жених сидит тут же и наматывает себе на ус все слова девушки. Наглядевшись вдоволь, парень угощает доброхоток своих и тут же решает: пойдет он сватать или нет. Иногда недовольный этою пробойю он под видом торговца отправляется в ее деревню. Является к ее родителям в дом и снова приглядывается к манерам и к быту своей избраницы. Наконец, высмотрев все доподлинно и убедившись в том, что девушка вполне соответствует его требованиям, парень начинает сватанье. А скоро после того назначается и свадьба, которую преимущественно подгоняют ко времени хлебного цвета, между Петровым и Ильиным днями, дабы цело и счастье молодых.

Не успеет угомониться чувашенин и отойти в ту страну, где нет ни болезней, ни печалей, как одна из его родственниц разбивает над головою его два яйца и отрывает голову петуху, в качестве умиловительной жертвы злым духам, которые могут помешать несчастному добраться без помехи до этой страны. Покойника выносят на двор и моют, его одевают в лучшее платье, кладут в гроб в шапке и рукавицах, за щеки ему закладывают табаку и денег, а уши нос и рот затыкают накрепко шелком, чтобы поневоле пришлось ему отвечать на том свете, что он ничего не слышал и не знает. Хоронят обыкновенно на первый же день, как вследствие издавна укоренившегося обычая, так и вследствие тесноты помещения. Под покойника еще до прихода священника успеют потихоньку подложить и тавлинку, и табак, и вина, и пива, и топор, и пузырь, если покойник был мастер играть на этом инструменте, и даже деньги, а бабам – иглы, нитки, лен, холст и прочее. Коли покойник отличался при жизни каким-нибудь особенным уродством, гроб заколачивают покрепче да припустят еще на него и железный обруч, иногда даже и самих покойников приколотят для верности к гробу гвоздиками. Когда покойника выносят из избы, то вслед ему бросают зажженное тряпье и обливают водою раскаленный камень, провидя в дыме и паре улечивающуюся душу покойника. Из дома на кладбище покойника всегда везут на санях с колокольчиками. На кладбище вырывают яму, втыкают в головы и ноги могилы два кола и прикрепляют к последним свечи. Покойник кладется лицом на восток и теменем на запад. Затем родственники прощаются с покойным, просят кланяться всем прежде умершим на том свете, едят, пьют и всего отливают и отламывают на могилу покойнику. Похоронивши человека, все домашние должны начисто вымыться и переменить платья, так как, по их понятиям, покойник есть нечисть, неугодная богам. Любит чувашенин почитать своих покойников памятью, такие поминки бывают семейные, случайные и, наконец, общие. Семейные поминки справляют на третий, седьмой и сороковой день. Для случайных времени особенного не назначили, и устройство их зависит напрямую хотя бы, например, от того, что кто-нибудь почувствует боль в желудке или резь в пояснице, или наоборот. Обе болезни приписываются тому, что покойники требуют поминовения. Если случится увидеть во сне покойника вместе с каким-нибудь из имеющихся у хозяина дома животных, животные эти тот час же приносятся в жертву покойному, так как оно все равно зачахнет и рано или поздно все равно попадет в руки усопшего. До сорокового дня вся семья, так сказать носит траур, то есть не носит цветного, не поет песен, мужья не спят с женами.

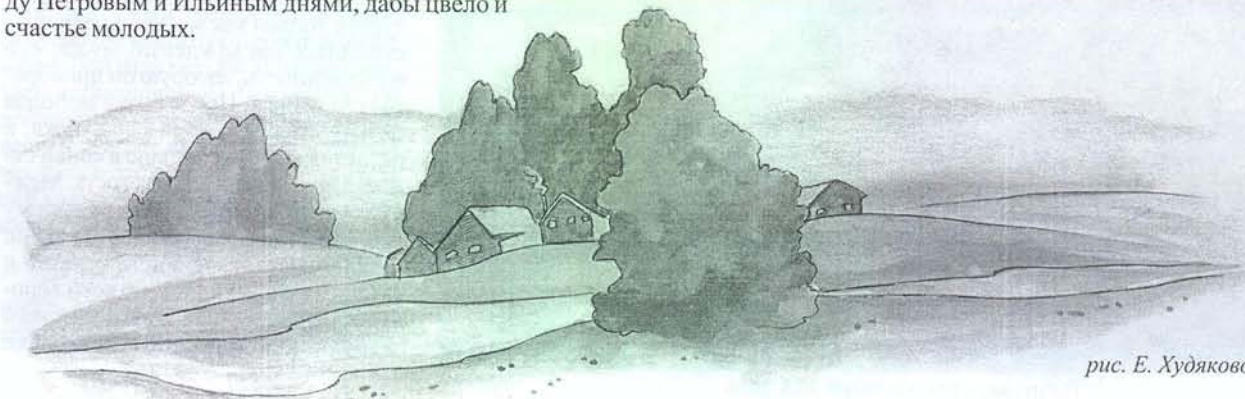

рис. Е. Худяковой

Татарин строен и силен

В эпоху нашествия монголо-татар булгарское владычество в Волжско-Камском крае сменилось владычеством татарским. В конце 20-х и в 30-х годах тринадцатого столетия татары завладели булгарскою землей и сделались здесь господствующим народом. В то же время, как это всегда бывает, при покорении народа более цивилизованного народом менее цивилизованным, завоеватели должны были сами покориться цивилизации побежденного ими древнего богатого и хорошо организованного царства, заимствовали у них городской быт, торговую предприимчивость, магометанство и разные черты народного характера, что немало способствовало смягчению их степных нравов. Постепенное слияние победителей с побежденными путем взаимных браков с течением времени привело здесь к образованию даже особой татарской расы, значительно отличающейся от татарских групп других местностей России.

Казанский татарин строен, хорошо и крепко сложен, силен и здоров, черты монгольского происхождения у него большей частью едва заметны в некотором расширении личного овала, в слегка выдавшихся скулах, в небольшом сужении разреза глаз, в длинных, несколько отстающих от головы ушах, в толщине и короткости шеи. Сюда же можно отнести отчасти и то, что у него редко растет большая и густая борода. Такое видоизменение монгольского типа у казанских татар можно объяснить не иначе, как именно слиянием татарской народности с ран-

ней народностью булгарской, которая ею была поглощена, потому что примесь к татарской крови другой народной крови, русской, всегда была совершенно устранена взаимным религиозным отчуждением русских и татар. Сами татары называют себя иногда булгарами, ставя себя, таким образом, в самую непосредственную связь с этой исчезнувшей народностью. Изредка встречающиеся между ними типы башкирские и черкесские, очевидно, случайного происхождения, в массе не заметны.

В татарских селениях доселе сохраняется своеобразный полувосточный быт. Татарская деревня имеет в себе что-то дикое: дома, построенные часто беспорядком, прячутся внутри двора, а на улицу выходят заборы да сараи. Такой характер расположения жилищ встречается даже в селениях, расположенных уже по плану. Из-под запертых ворот и по улице множество злых собак, поднимающих неистовый лай при появлении в деревне нового лица, а по ночам оглашающих окрестность диким воем.

С первого взгляда может показаться, что татары живут опрятнее и зажиточнее русских, как это и принято было у нас утверждать в описаниях их быта. На самом деле вся обстановка их жизни показывает только, что они больше русских любят почайничать, мягко полежать и пощеголять. Жазиточные люди действительно соблюдают чистоту в своем переднем отделении дома, моют

полы и несколько раз в год белят печь. Задняя часть дома у них служит представительницей всевозможной грязи и сумбура.

Вследствие затворничества татарской женщины, жених не видит своей невесты до брака или, по крайней мере, предполагается, что не видит. Поэтому помолвка устраивается их родителями или при посредстве свахи. Представители сторон условливаются о количестве калыма. После помолвки жених не ходит к невесте, а посылает ей только подарки из предметов женского наряда. При этом стоимость даримых вещей берется им не на свой счет, а вычитывается из следующего невестинного калыма. Дней за семь до свадьбы начинаются свадебные пиры, на которые гости поочередно собираются то в дом жениха, то в дом невесты и порознь: в один день - мужчины, в другой - женщины, все с разными подарками. Последний пир, после которого совершается брачный обряд, бывает при участии мужчин в доме невесты. Ни жених, ни невеста на нем не присутствуют. Первый ожидает его окончания за дверью, а невеста скрывается в спальне, пригोвленной для брачной ночи. После пира, поевши с хлебом меду и топленого масла, обрядового кушанья, гости кладут на скатерть деньги в подарок невесте, которые и относятся к ней в спальню. После этого мулла, непреманный гость этого пира, приступает к совершению брачного обряда.

Браки заключаются в очень ранних годах, жизнь девственная считается противоестественною, позорною как для мужчины, так и для женщины. Тем не менее брак не имеет никакого возвышенного и благородного значения, кроме обыкновенного сожития, причем женщина, как и на всем магометанском востоке, трактуется только как материал для чувственных наслаждений мужа, его собственность, которую он приобретает за деньги. После брака молодая не вдруг переселяется в дом мужа, а остается на год и больше в своей семье. Муж ходит к ней как гость. Между тем устраивает у себя к ее приему все, что нужно для семейной жизни.

Магометанское многоженство к татарам не привилось, по всей вероятности, вследствие экономического затруднения содержать несколько

Татарское село. Гравюра XIX века

Княжна Лазарева в татарском костюме

жен вместе и вследствие неизбежных при полигамии семейных раздоров. «Лучше две собаки во дворе, - резонируют татары, - Чем две жены в избе». В подтверждение этого передается, например, такой рассказ: «У одного благочестивого татарина было три жены, которые постоянно ссорились. Однажды они подняли между собой такую бурю, что бедный муж выбежал из избы вон, встал посреди улицы и стоит несмотря на страшный мороз и буран.

- Что ты это в такой буран тут стоишь? - спросил сосед.

- Здесь все еще можно стоять! - сказал он в ответ. - Смотри-ка, какой буран в моей избе, тогда увидишь, что здесь еще ничего».

Очень немногие имеют по две жены, и то другая жена берется, когда первая постарела. При молодой жене она делается обыкновенно главной хозяйкой дома.

Отказавшись от многоженства, татары вполне вознаграждают себя за это лишение свободой развода, развитой в мусульманстве до последней степени, и к явному унижению женщины. Для мужа развод не окружен никакими формальностями. Достаточно одного объявления жене: «Я с тобой развожусь». И развод считается совершенным. После этого он должен только кормить разведенную жену в течение четырех с половиной месяцев и отступить от данного за ней калыма. Но жениться на другой женщине может хоть сейчас же.

Осужденная на затворническую жизнь татарка неподвижна, недеятельна и ленива. В сельском быту она

не занимается никакими полевыми работами, кроме жнитва и сгребания сена, и то лишь в более бедном семействе, что, между прочим, много способствует упадку между татарами сельского хозяйства, лишая его целой половины рабочих рук. Живя бездельной жизнью, татарка, особенно в богатом доме, занята детьми, сном, желудком и нарядами, любит ходить в гости, на общественные праздники, гуляния.

Чернорабочий татарин берется за дело сначала очень горячо и проворно, и, кажется, гораздо выгоднее работника русского, который вначале обыкновенно долгое время еще раскачивается, прилаживается к работе, а дело делается мало. Но потом татарин начинает быстро слабеть и в силах, и в ретивости, когда русский войдет лишь в полную силу своей работы. Вот почему общие результаты всего количества сделанного иногда оказываются в пользу последнего, а не первого.

По своему характеру татарин любит нажить копейку мелкою торговлей, барышничеством, даже просто мошенничеством. Торговля составляет как будто его природное призвание. Это истый потомок древних булгар. Еще мальчишкой он ходил по улицам Казани, продавая куски мыла, спички, апельсины и лимоны. Для казанского края, по торговле и маклачеству, татары почти то же, что и для западного края евреи. Они занимают всякого рода продажей и перепродажей, от продажи халатов и старого платья до крупной торговли чаем, от бродячего торгова белилами, румянами, бусами и всякой дребеденью по татарским деревням до весьма солидных торговых дел с Бухарою, Персией и Китаем.

Важнейшие праздники татар - общие для всех исповедников ислама: байрам, в честь дарования Корана, предваряемые постом рамазаном и курбан-байрам, через два месяца первого, в честь жертвоприношения Авраама, оба переходящие. По местам между татарами сохранились разные курманы, жертвоприношения языческого происхождения, но весьма мало. Сабан празднуется весной на лугах, после того как с лугов сойдет снег, и соответствует русской красной горке. В Казани сабан празднуется на берегу озера Кабан, отличается особенным оживлением, многолюдством. Джин празднуется по деревням летом и соответствует рус-

скому семику, и переходит с места на место. Начавшись в одну из пятниц в конце мая или начале июня в одной деревне, он в следующую пятницу переходит в другую деревню, потом в третью и так далее.

Замечательно, что вся теперешняя мусульманская цивилизованность Казани обязана своим процветанием русскому правительству и поднялась не ранее начала текущего столетия. До этого времени татарское население края находилось в самом темном невежестве. Благодаря своим многочисленным школам и печати, татарское население в настоящее время почти сплошь все грамотное и с презрением смотрит на русских крестьян, страдающих поголовно безграмотностью, да и на всю русскую образованность вообще.

Между татарами существует убеждение, что мусульманским книгам нет конца, а русским книгам есть конец, и что когда русские дочитаются до этого конца, то обратятся уже к мусульманским книгам и сами сделаются мусульманами. По своей привычке к книгам татарин довольно легко выучивается и русской грамоте, как это замечено в полках, татары из солдат скорее делаются грамотными, чем русские. Несмотря, впрочем, на обширное распространение грамотности среди татарского населения, множество ходящих у него в обращении книг и брошюр, его мирозерцание, выражающееся в понятии о разных явлениях и предметах в народной поэзии и легендах, не выходит из ходящих мусульманских представлений, общих всему востоку, не имеющих никакого близкого отношения к татарской народности.

Татарская чета

В прошлом столетии, при императрице Екатерине второй, в Поволжье были вызваны, как известно, немецкие колонисты с целью обучения лучшим приемам ведения сельского хозяйства наших крестьян. Но цель эта не была достигнута, так как сами колонисты остановились в обработке земли на точке замерзания, оставшись при той сумме сельскохозяйственных знаний, какая была передана им предками. Колонисты ударились тогда в торговлю. Этому благоприятствовала большая их зажиточность и выгодность местоположения колоний по течению Волги. Семейное устройство осталось у колонистов немецкое. Отец обыкновенно назначает сам своим преемником кого-нибудь из сыновей, а за не имением их, одну из дочерей. В поволжских колониях совсем не признаются права и преимущества старшего или младшего членов семьи. Отец сам назначает приданое в части, которую он желает оставить в наследство каждому из своих детей. В случае, если после смерти родителей остаются малолетние дети, то все имущество их отца продается под наблюдением определяемого общиной опекуна. Вырученные деньги делятся между детьми. Если остается вдова, способная к работе женщина, то она может или сама продолжать вести хозяйство, или выйти замуж. Подобные отношения соблюдаются повсеместно.

Нередко в доме колониста можно найти русский образ, хотя хозяин дома лютеранин. Все движимое имущество: постели, домашняя кухонная утварь — немецкое. Господствующая

Немецкие колонисты по утрам пьют кофе

пища — немецкая. Утром почти все колонисты пьют кофе, большей частью пшеничный или ячменный. Мучной суп, картофельный суп, овощи составляют ежедневную пищу. Мясо употребляется только по воскресеньям, и то больше свиное, т.к. свиней держит почти каждый домохозяин. Свиней обыкновенно режут осенью, тогда мясо в виде соленой, провесной и копченой свинины заготавливается на весь год. Женщины колонистов очень сильно заняты домашним хозяйством. Зимой отопление печей домов соломою и кизяком требует от них особенно продолжительного внимания, вязание чулок, починка белья и шитье одежды, — настолько все это отнимает время, что в тех местностях, где колонисты возделывают табак, требующий опять усиленной женской работы, последние нет совершенно времени думать ни о пряже, ни о ткани, почему колонистам приходится покупать холстину и сукно.

Колонисты, прожив более ста лет в России, мало что сохранили от быта и общественных порядков своего старого отечества. Если к ним привилась форма земледелия, искони присущая обитателям нашего отечества, то где же было удержаться обычаям. Под влиянием окружающей их среды последние если и удержались до сих пор, то только в тех колониях, население которых пришло из одной какой-нибудь местности. Последние колонии до сих пор еще сохранили некоторые остатки нравов и обычаев своего прежнего далекого отечества. Устройство поселений, т.е. колоний значительно напоминает устройство

немецких поселений. Дома расположены правильными рядами, а не разбросаны там и сям, как в большинстве наших деревень. Улицы широкие, посреди селения всегда находится площадь, перед каждым домом посажены деревья и имеется хорошо содержанный огород, нередко даже сад, всегда окруженный плетнем. Архитектура домов почти русская, с маленькими балконами, колоннами и навесами. Расположение дома чисто русское, то есть две комнаты, или избы, разделены посередине коридором, через который входят в самый дом. В более старых колониях расположение домов представляет смесь немецкого с русским.

В колониях есть очень большие семьи в тридцать-сорок человек: мужчин, женщин и детей. Такие семьи, обладая большой рабочей силой, арендовали большие участки земли по контрактам на 6-12 лет. При урожаях дела их шли отлично. Но при наступлении неурожайных годов они все-таки должны были вносить аренду, между тем как многие из них не возвращали себе даже посевных семян, в довершение несчастий часть скота от недостатка корма пала, а другую часть они принуждены были продавать за бесценок для прокормления семьи. Впрочем, урожай картофеля и огородных овощей позволяет колонистам переносить неурожайные годы, нежели русским крестьянам, у которых возделывание последних растений совсем не развито.

Материал подготовила
Лариса Маврина

Фотографии предоставлены редакцией газеты "Rundschau"